

Новоселецкий Ю.В.

Город паучков

6+

Юрий Новоселецкий

Город паучков

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Новоселецкий Ю. В.

Город паучков / Ю. В. Новоселецкий — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Книга об одном из неизведанных миров, которые находятся рядом с нами, где бы мы ни находились. Увлекательный рассказ о самом необычном путешествии, неожиданном и поучительном. Станет интересной и для взрослых и для детей разных возрастов и настроений.

© Новоселецкий Ю. В., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Глава первая

Хенк и Город паучков

Вот уже несколько месяцев в Городе паучков гадали, чем же вызвано неожиданное затишье в обычно шумной мастерской сантехника.

Из-за всеобщей растерянности прекратились даже занятия в школе "Маленьких паучков" (ШМП) и семиногий Рыжий Рамзес, местный учитель "курса выживания", сидел без дела.

Его последнее занятие по "теории плетения паутины на сквознях" так и не было закончено, прерванное неожиданной тишиной после многолетнего звона – грома – шипения – стука, а все ученики разбежались на каникулы.

– Ай-я-яй! – огорчился Рамзес -, а впереди так много непройденного материала! "Техника скоростного спуска", "Особенности плетения охотничьей сторожевой и заградительной сетей", "Стратегия и тактика охоты на мух в помещениях, на улице, в лесу", да сколько еще практики! Так и не сходили мы в двухдневный поход на кухню, с ночевкой в коридоре! Когда теперь это наверстаем?!

Обычно Рамзес коротал время в обществе Философа, жившего неподалеку, в помятом жестяном бидоне. Звали Философа Фил, был он удивительно толстый, весь черный и отличался такой медлительностью, что будь он в лесу или на улице – давно бы склевала пролетающая птица! Но в бидоне же птицы не летают! Однажды в детстве Фил, неправильно подстраховавшись при путешествии по ножке стола, попал в этот бидон, в который время от времени сантехники что-нибудь да кидали: то пустую консервную банку с остатками содержимого, то прихлопнутую муху, то шкурку от колбасы... В общем, осмотревшись, Фил понял, что жизнь ему подкинула удивительный подарок – убежище, куда прямо с неба валится еда! А когда он отведал из упавшей сломанной рюмки немного коньяка, решил: ни за что на свете он не покинет этот гостеприимный бидон до конца дней своих! Пусть иногда весь мусор из бидона вытряхивали, и в этот момент жизнь Фила подвергалась огромнейшему риску. Фил пережил и эти страшные дни!

От сидевших за столом он узнал множество ученых слов: «вантуз», «муфта», «сифон»... И когда к нему приходили знакомые паучки, Фил не только щедро угощал их, но и удивлял своей ученостью. Тогда-то и стали уважительно звать его Философ. Фил не стал упрямиться и охотно отзывался на это почтенное прозвище. Но однажды он подумал, что, как и всякому уважающему себя философу, ему надо иметь свою теорию, выразить свой взгляд на жизнь. Тем более, что очень часто к нему приходили за советами, да и нужно было как-то поддерживать беседу за ужином! Вот и стал Философ проповедовать идею, что времена изменились. Уже не нужно, как раньше промышлять охотой! Все, что нам нужно, обязательно у нас будет, надо только крепко держаться за свое место и терпеливо ждать! А все блага будут непременно к нам попадать в нужном количестве! Ну что ж, так оно и было! Доказательства ежедневно сыпались ему со стола сантехника прямо в бидон! Кто бы ни спорил с ним, все отступали при первом же попадании нового трофея в сети домовитого и хватливого Философа. И хоть паучки, вылезая из гостеприимного бидона, сталкивались с реальной жизнью, где еда не падала с неба, и приходилось за нее бороться, тем не менее, Фил пользовался всеобщим уважением и почетом, как паук хозяйственный и рассудительный.

Хорошо, однако, что пауки не придерживались точки зрения Философа, иначе давно бы опустел весь город Паучков, раскинувший свои необъятные владения по всему подвальчику! Ведь, чтобы жить так, как говорит Философ, надо жить там, где Философ!

Единственный, кто неизменно поддерживал разглагольствования Фила – это худой, потрепанный неустроенным бытом, ленивый старый холостяк Эмиль. Жил Эмиль под подоконником, куда в молодости забрел в поисках удобного места для засады. Тогда была поздняя осень и какая-то сонная муха, подбирая себе убежище на зиму, вдруг попала на нить-пау-

тинку Эмиля, которую он, чтоб не заблудиться в дальней дороге, тянул за собой. Почувствовав, что нить кто-то дергает, Эмиль вернулся и по всем правилам ШМП связал муху, опутав ее несколькими ловкими движениями! Был тогда Эмиль счастливым, полным сил и веры в свою удачу пауком, но решил, что двигаться дальше ни к чему. Раз здесь ему попала такая добыча, то и незачем искать место лучше! Подумал, что он просто счастливчик, баловень судьбы, а мухи будут бесконечно, вяло и покорно залетать к нему в лапы! Даже не стал плести обязательную в таких случаях охотничью сеть – к чему, если мухи запутываются в одной только нити! «Видимо, – решил паучок, – такая вот особенная крепость в моей нити! Никто не может выбраться из нее!»

А пока он пользовался "плодами своей победы", да отдыхал, вспоминая самые острые моменты своей схватки с сонной мухой, да мечтал о будущем изобилии – совсем разучился охотиться! Единственная "добыча", попадавшая на его уже старые, обвисшие нити – это пыль да капельки дождя в форточки, но ведь этим сыт не будешь! Вот и зачастил Эмиль Философу, где можно было не только поесть, но и порассуждать на любимую тему «Придет и на нашу паутинку праздник!»

Конечно, ежедневный путь к бидону через всю комнату был небезопасен – в каждую минуту его могли ненароком, а то и специально раздавить грубые сантехники или прихлопнуть какая-нибудь некстати упавшая железка. Бр-р-р! Ужас! И в особо опасные дни, когда работа в мастерской кипела, Эмиль сидел у себя под подоконником и ждал, когда же наконец попадется очередная муха в его "удивительные паутинки".

В такие дни его иногда заставлял Рейнджер – черный, подвижный паук с крепкими длинными лапами, который не знал покоя ни днем, ни ночью, проносясь по стенам и потолку мастерской, забегая во все углы, бдительно охраняя город паучков от непрошенных гостей: мокриц, тараканов, паучков из других городков и прочей живности. По дороге ему неизменно попадала какая-нибудь добыча, и он, как паук не жадный, с удовольствием делился ею с теми, у кого была в этом нужда, кого покинуло охотничье счастье и опустели сети.

Благодаря Рейнджеру, все население города Паучков было в курсе событий, происходивших как в самом городе, так и в приграничных районах: Прихожей, Ванной и Пролома в стене.

Рейнджер первый отметил те изменения в городке, которые появились на следующий же день после Наступления Тишины: исчезли сантехники вместе со своим столом, инструментами, трубами, сумками, кранами, паклей, вантузами, тросами, унитазами и прочим; появился мольберт и дурно пахнущие тюбики, банки, кисточки; места стало несравненно больше и теперь можно было безбоязненно совершать рейды прямо по полу.

Однако, пожалуй, я поторопился назвать Рейнджера первооткрывателем изменений после Наступления Тишины. Философ почувствовал на своей шкуре это намного раньше! Дело в том, что бидон, служивший ему и пристанищем и неиссякаемой кормушкой, ставший новому жильцу ненужным, перекочевал в чулан (а точнее был с позором закинут), к остальному хламу, убрать который художник собирался "на днях, когда руки дойдут".

И теперь "хижина Фила" валялась у самой двери, в чулане, вдалеке от привычных благословенных источников пропитания несчастного Философа. "Как изменчива бывает судьба к тем, кто кажется уже постиг Высший смысл бытия!" – огорченно, бессознательно перебирая лапками, думал Фил. За этими высокими словами он прятал свою растерянность и неотступные мысли о том, как же теперь добывать пропитание – уж очень была привлекательной идея "ничего неделания" и так неприглядно теперешнее его положение!

Еще больше переживала семья паучихи Доры: они с мужем Питером надеялись, что их детишки (все шестеро) еще надолго задержатся в интернате Рамзеса, который располагался в углу чулана под перевернутой раковиной. Ведь и плата за обучение (4 мухи и мокрица) была внесена, и Дора с Питером уже готовились к новоселью в чудесном, сухом, старом, стоптанном

башмаке сантехника и вдруг – все паучишки вернулись домой! В доме все вверх ногами, вся паутинка ходит ходуном от проказников, где уж тут переехать!

... Художником Хенк был, в общем-то, никудышным. Нет, рисовал он неплохо, но никак не мог найти свою «тему». Не подражать же знаменитостям, вроде Пикассо или Рафаэля! Что самое обидное, бывало вот кажется нашел, что-то подходящее промелькнуло перед глазами и – не успел даже понять – все исчезло! Перебивался пока тем, что рисовал эскизы для рекламы. Заработки хоть и небольшие, зато свободного времени предостаточно! Но куда ж его деть, время-то?

Жил Хенк на окраине большого города, в подвальной комнате, где раньше была мастерская сантехника. С той поры в чулане осталась целая куча ржавых раковин, обрывков, трюсов, сломанных ключей и прочего хлама. У окна стоял мольберт, рядом на широкой скамье и старом стуле в беспорядке лежали смятые в гармошку, засохшие тюбики из-под красок, две палитры, уже покрывшиеся пылью, а на подоконнике, используемом в качестве стола – старые газеты, невымытый стакан со следами кефира, небольшая стопка книг, откуда Хенк, видимо, пытался "черпать вдохновение". На огромный выцветший диван, местами прожженный растворителями, немногочисленные посетители и присест боялись, чему художник был только рад, поскольку люди спешили уйти, а он любил одиночество.

Уже третью неделю Хенк сидел без заказов, а следовательно – без денег. Днем он бродил по городу, а ночью вваливался без сил в свой подвальчик. И вот наступило утро, когда бессмысленные прогулки осточертели и художник впервые осознанно взглянул на свое жилище.

«Ой-ё! Какой кошмар! Как я жил в таком бардаке?! Надо провести генеральную уборку! Кстати, начну-ка я с чулана! Давно собирался выкинуть оттуда все барахло!»

Несмотря на энергичные мысли, движения его были медленными и ленивыми. Что ж, на всех нас иной раз нападает такая вот жажда деятельности, и, при необходимости, мы можем убедить в своей решительности весь мир, но... Как только дело доходит до конкретных действий... О-о-о!.. Мы готовы потратить еще один день на убеждения всего мира в необходимости "сделать хоть что-нибудь реально", но только не делать это самим!

Хенк не отличался от многих и, хоть подстегивал себя разными громкими фразами о мужестве, отваге, самопожертвовании, но с дивана смог встать лишь через час после принятия решения об уборке – и это был подвиг!

«Да! Не каждый мог бы вот так "сорваться" с теплой постели!» – подумал Хенк, с трудом поборов желание упасть обратно.

"Сорвался" он за какие-то полчаса, непрерывно позевывая, почесываясь и внимательно разглядывая свои босые ноги, как бы желая увидеть в них какую-то причину не вставать. Но ноги были в порядке, и встать, все-таки, пришлось.

В темноте чулана Философ чувствовал себя неудобно. Голод давал о себе знать все чаще, да и поговорить с кем-нибудь хотелось ужасно!

«Придется, все же, выглянуть наружу. Может, пройдет кто-нибудь!» – сказал он сам себе и, впервые с дней детства стал выбирать сначала из бидона, а потом, осмотревшись и не увидев ничего примечательного – и из чулана...

... Хенк, поднявшись во весь рост потянулся, с хрустом вытягиваясь, будто собрался себе на завтрак прихватить пару звезд. Ух! Даже в глазах потемнело!

Голова закружилась, и художник, в глубине души радуясь, что появился повод, обессилено рухнул обратно на диван! Перевернулся на бок и взглянул на злополучный чулан...

...Философ, выйдя из дверей чулана, увидел вдруг какое-то существо, которое, как ему показалось, прямо на глазах выросло из пола устремляясь вверх, как будто пытаясь пробить потолок!

«Вау!!!» – вскричал Философ и, присев на четыре задних ноги, вытянул вперед и растопырил оставшиеся свободными четыре передних, застыв в оборонительной позиции.

«Кто его знает! Вдруг сейчас посыплются осколки с потолка!.. Но что это?!» – в один миг пронеслось у него в голове. И тут все это фантастическое создание со всего размаха, будто подломившись, обрушилось на диван!

Лишившись от ужаса способности соображать и передвигаться, Фил стоял, покачиваясь, все так же расставив ноги, чтоб казаться своему противнику намного больше, сильнее и храбрее, чем это было на самом деле.

Секунды тянулись невероятно медленно. Последний раз Фил так пугался давным-давно, когда в его бидон попал какой-то огромный цилиндр из бумаги, набитый зачем-то травой; трава была подожжена и тлела, пожирая и бумагу, которой была обмотана, и все вокруг, что поддавалось огню! Вонь тогда стояла ужасная, из-за дыма невозможно было передвигаться, и Фил не сомневался тогда, что все это предназначалось для его уничтожения и ему невероятно повезло, когда тлеющая громадина не попала на него!

В тот раз, переждав огонь, Фил долго не мог прийти в себя и только через день стал плести свою обычную обстановку, восполняя все разрушенное.

«Да, доблесть – в выдержке и упорстве», – разглагольствовал он потом перед своими гостями, которые с ужасом слушали его рассказ об этом невероятном покушении, не забывая уминать выставленное Филом угощение.

Вот и теперь Философ, видя, что обстановка стала менее угрожающей, стал потихоньку отступать за дверь, справедливо полагая все происшедшее достаточным основанием для отдыха! Не опуская две пары передних пар ног, он задними стал медленно, осторожно прощупывать дорогу домой... И в этот момент с дивана в его сторону

что-то потянулось!

«О-о-о! Теперь я, кажется, точно пропал! Ну что меня дернуло высовываться! Лучше бы еще год просидел голодом, чем увидеть такое!»

А "такое" тем временем отползло обратно на диван! А затем вся масса, которая лежала на диване, начала движение к Философу. И, забыв обо всем, Философ стал пятиться в открытую дверь чулана.

«Хо! А это еще что?» – подумал Хенк, увидев у приоткрытой чуланной дверцы большого паука, который стоял и, вроде бы, приветливо махал ему лапами. – «Хочешь поздороваться? Ну-ну...» – Хенк медленно протянул к паучку руку, но тот, продолжая помахивать, но уже явно приглашающе, стал пятиться за дверь, в темноту чулана.

«Что ж, пойдем в гости, раз зовут...» – и художник медленно начал сползать с дивана на пол. Спустившись и встав на четвереньки, Хенк завороченно смотрел на паучка и послушно приблизился к двери, за которой скрывался Фил. Увидев, что тот отступил, Хенк лег на пол и заглянул в горлышко бидона...

Солнечный свет слабо освещал подвал через небольшое окно, а уж до чулана ему и подавно добраться было нелегко, так что, глядя в бидон, Хенк увидел почти чернильную тьму, которую причудливо прорезали серебряные нити паутины. Заинтересовавшись такой игрой света на паутинках, художник внезапно осознал, что все множество нитей, как бы спиральной воронкой уходит ко дну бидона, поблескивая звездочками пересечений!

«Ого! Да это же Вселенная! Невероятно! Как хочется промчаться по этим блестящим дорожкам от звезды к звезде до самых глубин мироздания!» – Хенк даже застонал от сладострастной неги такой мечты!

А в самом центре этого великолепия, мерно покачивая лапками, висел паучок! И от его покачивания создавалось впечатление, что звездочки бегут от края спиральной воронки к центру непроглядного мрака. Бег звезд был сначала медленным и монотонным, затем все быстрее, быстрее!.. И в какой-то момент Хенка поглотила эта мгла Вселенной и он, не в силах сопротивляться (да и не было у него такого желания), устремился по этой звездной спирали, ускоряясь все больше и больше! Его охватил такой восторг, что он полностью отдался этому волшебному движению!..

И пока он мчался от звезды к звезде, он думал лишь о том, как хорошо было бы остаться здесь навсегда, наслаждаясь тишиной Вечности, ее покоем и могуществом, где невероятная скорость одновременно означала полную неподвижность, а волны наслаждения захватывают дух в непрерывном выраже бега спирали!

«Один! Я один!!! И я – свободен во Вселенной!!!» – как молния сверкнула мысль, и Хенк лишился чувств...

...Философ облегченно расслабился: происшедшее совершенно обессилило его! Он вновь и вновь переживал последние мгновения своей невероятной борьбы...

Когда чудовище с дивана устремилось к нему, он забежал в свой оплетенный изнутри паутиной бидон и, крепко ухватившись за нити, с трепетом и решительностью готовился к решающей схватке. Вот уже совсем рядом слышно шуршание от приближающейся к нему неизвестной беды...

«О! Все кончено... Прощай, уютный домик! Кому ты достанешься!.. Стоп! Что-то знакомое... Э, да это же человеческое лицо!»

Лица-то частенько к нему заглядывали, наверное, чтобы убедиться, находится ли Фил на своем посту!

Добросовестный Фил всегда на посту! И он не опасался тех внезапных проверок! Но сейчас его явно застали, когда он покинул свой пост?!

Что же будет?! Фил затрепетал, вновь глядя в глаза человека, который с любопытством всматривался в паука и его жилище. От его трепета вся, любовно сплетенная воронкой, паутина дрожала, переливаясь, Его уже трясло так, что он чуть не падал и, пытаясь сохранить равновесие, балансировал передней парой ног, махая ими во все стороны! Вдруг он заметил, что глаза человека потеряли осмысленное выражение, а затем и вовсе закрылись!

Фил, ничего не понимая, протер свои глаза, а когда отнял лапки, увидел, что человек исчез! Бр-р-р! Без звука – вот он был, и вот его нет...

Немного успокоившись, приведя в порядок мысли и остановив качание воронки, Философ стал было рассуждать:

– Так. Был человек – нет человека. Ясно... Нет, не совсем. Было страшно. – Теперь не страшно. Вот это ясно. Попробуем совместить: был человек – было страшно, нет человека – не страшно. Уже лучше! Где страх? Неизвестно. Где человек? Неизвестно. Да... Ерунда... Куда ж он делся-то? Человек, естественно, загадка природы... Надо обдумать. Пospешишь – всем смешно будет!

И Фил повернулся к дну бидона, чтобы там все спокойно взвесить рассудить. Не успел он сделать и шага, как оттуда, из глубины бидона, раздался шорох...

«Неужели, кто-то забрался в мой домик, пока я выходил за дверь?! И кто же этот нахал?!»

...– О-ох... Как это было прекрасно! Кажется, теперь я точно знаю, что и как я должен писать! Наконец-то! Как все просто! А я все бродил по улицам, ха-ха! А оказалось – все рядом... ,– с трудом приходя в себя подумал Хенк. – Надо бы эскиз накидать, пока все свежо в памяти!

И он сделал попытку подняться...

– Что такое?! Где я?! Что со мной?!!!

Вместо рук и ног шевелились огромные паучьи лапы!

– Этого не может быть!!!!

Он захотел повернуть голову, чтоб оглядеться, но вместо этого все восемь (о, ужас – восемь!!!!) ног пришли в согласованное движение, чтобы, следуя его желанию, осмотреться, повернуть все его тело, которое (а-а-а!!!..кошмар!!!!) стало телом паука!!! И, следовательно, голова у него теперь не могла поворачиваться самостоятельно!!!

На какое-то время Хенк совершенно обезумел: пытаясь убежать от самого себя и всего, что его окружало, он бешено перебирал ногами (хо! Это, оказывается, просто!) метался по дну бидона, по его стенам и окружающей паутине!

Утомившись и растратив все возбуждение и страх в этой бессмысленной беготне, он устало лег(!!!) на брюхо(!!!), безвольно раскидав в стороны свои ноги (!!!).

– Все кончено. Возврата нет. Надо успокоиться...

« Ой-ё-ёй! Вот это да! Взбесился он что ли?! Надо его успокоить -переживает, видимо, что меня дома не застал!» – подумал Философ, глядя на то, как Хенк носится по стенам, и пошел узнавать, кто этот неожиданный гость, который пришелся очень даже кстати: надо же кому-то рассказать о своих приключениях!

По правде говоря, Фил немного все же досадовал – он понимал, что сейчас рассказ его будет бессвязным, так как его следовало бы обдумать, добавить опасностей, грозивших ему и с честью преодоленных и прочее... Но зато сейчас его взволнованность придаст рассказу небывалую эмоциональность! А потом уж, со временем, он придумает, как раскрасить свое повествование, какое философское объяснение дать своим мудрым поступкам, которые привели его к «победе»!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.